

Беззаконие. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

Беззаконие. Антон Павлович Чехов

Совершая свою вечернюю прогулку, коллежский ассессор Мигуев остановился около телеграфного столба и глубоко вздохнул. Неделю тому назад на этом самом месте, когда он вечером возвращался с прогулки к себе домой, его догнала бывшая его горничная Агния и сказала со злобой:

– Ужо, погоди! Такого тебе рака испеку, что будешь знать, как невинных девушек губить! И младенца тебе подкину, и в суд пойду, и жене твоей объясню...

И она потребовала, чтобы он положил в банк на ее имя пять тысяч рублей. Мигуев вспомнил это, вздохнул и еще раз с душевным раскаянием упрекнул себя за минутное увлечение, доставившее ему такую массу хлопот и страданий.

Дойдя до своей дачи, Мигуев сел на крылечко отдохнуть. Было ровно десять часов, и из-за облаков выглядывал кусочек луны. На улице и возле дач не было ни души: старые дачники уже ложились спать, а молодые гуляли в роще. Ища в обоих карманах спичку, чтобы закурить папиросу, Мигуев толкнулся локтем обо что-то мягкое; от нечего делать он взглянул под свой правый локоть, и вдруг лицо его перекошило таким ужасом, как будто он увидел возле себя змею. На крылечке, у самой двери, лежал какой-то узел. Что-то продолговатое было завернуто во что-то, судя на ощупь, похожее на стеганое одеяльце. Один конец узла был слегка открыт, и коллежский ассессор, сунув в него руку, осознал что-то теплое и влажное. В ужасе вскочил он на ноги и огляделся, как преступник, собирающийся бежать от стражи...

– Подкинула-таки! – со злобой процедил он сквозь зубы, сжимая кулаки. – Вот оно лежит... лежит беззаконие! О, господи!

От страха, злобы и стыда он оцепенел... Что теперь делать? Что скажет жена, если узнает? Что скажут сослуживцы? Его превосходительство наверное похлопает его теперь по животу, фыркнет и скажет: «Поздравляю... Хе-хе-хе... Седина в бороду, а бес в ребро... шалун, Семен Эрастович!» Весь дачный поселок узнает теперь его тайну, и, пожалуй, почтенные матери семейств откажут ему от дому. О подкидышах печатают во всех газетах, и таким образом смиренное имя Мигуева пронесется по всей России...

Среднее окно дачи было открыто, и явственно слышалось из него, как Анна Филипповна, жена Мигуева, собирала стол к ужину; во дворе, сейчас же за воротами, дворник Ермолай жалобно побренкивал на балалайке... Стоило младенцу только проснуться и запищать, и тайна была бы обнаружена. Мигуев почувствовал непреодолимое желание торопиться.

– Скорее, скорее... – бормотал он. – Сию минуту, пока никто не видит. Занесу его куда-нибудь, положу на чужое крыльцо...

Мигуев взял в одну руку узел и тихо, мерным шагом, чтобы не казаться подозрительным, пошел по улице...

«Удивительно мерзкое положение! – думал он, стараясь придать себе равнодушный вид. – Коллежский ассессор с младенцем идет по улице! О, господи, ежели кто увидит и поймет, в чем дело, я погиб... Положу-ка я его на это крыльцо... Нет, стой, тут окна открыты и, может быть, глядит кто-нибудь. Куда бы его? Ага, вот что, снесу-ка я его на дачу купца Мелкина... Купцы народ богатый и сердобольный; может быть, еще спасибо скажут и на воспитание его к себе возьмут».

И Мигуев решил снести младенца непременно к Мелкину, хотя купеческая дача находилась на крайней улице дачного поселка, у самой реки.

«Только бы он у меня не разревелся и не вывалился из узла, – думал коллежский ассессор. – Вот уж именно: благодарю – не ожидал! Под мышкой несущего живого человека, словно портфель. Человек живой, с душой, с чувствами, как и все... Ежели, чего доброго, Мелкины возьмут его на воспитание, то, пожалуй, из него выйдет какой-нибудь этакый... Пожалуй, выйдет из него какой-нибудь профессор, полководец, писатель... Ведь всё бывает на свете! Теперь я несущего под мышкой, как дрянную какую-нибудь, а лет через 30–40, пожалуй, придется перед ним навтыжку

стоять...»

Когда Мигуев проходил узким, пустынным переулочком мимо длинных заборов под густою, черною тенью лип, ему вдруг стало казаться, что он делает что-то очень жестокое и преступное.

«А ведь как это, в сущности, подло! – думал он. – Так подло, что подлее и придумать ничего нельзя... Ну, за что мы несчастного младенца швыряем с крыльца на крыльцо? Разве он виноват, что родился? И что он нам худого сделал? Подлецы мы... Любим кататься на саночках, а возить саночки приходится невинным деточкам... Ведь только вдуматься нужно во всю эту музыку! Я беспутничал, а ведь ребеночка ожидает люта́я судьба... Подброшу я его Мелкиным, Мелкины пошлют его в воспитательный дом, а там все чужие, всё по-казенному... ни ласк, ни любви, ни баловства... Отдадут его потом в сапожники... сопьется, научится сквернословить, будет околевать с голоду... В сапожники, а ведь он сын коллежского асессора, благородной крови... Он плоть и кровь моя...»

Мигуев из тени лип вышел на дорогу, залитую лунным светом, и, развернув узел, поглядел на младенца.

– Спит, – прошептал он. – Ишь ты, нос у подлеца с горбинкой, отцовский... Спит и не чувствует, что на него глядит родной отец... Драма, брат... Ну, что ж, извини... Прости, брат... Так уж тебе, значит, на роду написано...

Коллежский асессор заморгал глазами и почувствовал, что по его щекам ползет что-то вроде мурашек... Он завернул младенца, взял его под мышку и зашагал дальше. Всю дорогу, до самой дачи Мелкина, в его голове толпились социальные вопросы, а в груди царапала совесть.

«Будь я путевым, честным человеком, – думал он, – наплевал бы на всё, пошел бы с этим младенчиком к Анне Филипповне, стал бы перед ней на коленки и сказал: „Прости! Грешен! Терзай меня, но невинного младенца губить не будем. Деточек у нас нет; возьмем его к себе на воспитание!“ Она добрая баба, согласилась бы... И было бы тогда мое дитя при мне... Эх!»

Он подошел к даче Мелкина и остановился в нерешимости... Ему представлялось, как он сидит у себя в зале и читает газету, а возле него трется мальчишка с горбатым носом и играет кистями его халата; в то же время в воображение лезли подмигивающие сослуживцы и его превосходительство, фыркающее, хлопающее по животу... В душе же, рядом с царапающею совестью, сидело что-то нежное, теплое, грустное...

Коллежский асессор осторожно положил младенца на ступень террасы и махнул рукой. Опять по его лицу сверху вниз поползли мурашки...

– Прости, брат, меня, подлеца! – пробормотал он. – Не поминай лихом!

Он сделал шаг назад, но тотчас же решительно крякнул и сказал:

– Э, была не была! Плевать я на всё хотел! Возьму его, и пускай люди говорят, что хотят!

Мигуев взял младенца и быстро зашагал назад.

«Пускай говорят, что хотят, – думал он. – Пойду сейчас, стану на коленки и скажу: „Анна Филипповна!“ Она баба добрая, поймет... И будем мы воспитывать... Ежели он мальчик, то назовем – Владимир, а ежели он девочка, то Анной... По крайности в старости будет утешение...»

И он сделал так, как решил. Плача, замирая от страха и стыда, полный надежд и неопределенного восторга, он вошел в свою дачу, направился к жене и стал перед ней на колени...

– Анна Филипповна! – сказал он, всхлипывая и кладя младенца на пол. – Не вели казнить, вели слово вымолвить... Грешен! Это мое дитя... Ты Агнюшку помнишь, так вот... нечистый попутал...

И не помня себя от стыда и страха, не дожидаясь ответа, он вскочил и, как

Беззаконие. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
высеченный, побежал на чистый воздух...

«Буду здесь на дворе, пока она не позовет меня, – думал он. – Дам ей прийти в чувство и одуматься...»

Дворник Ермолай с балалайкой прошел мимо, взглянул на него и пожал плечами... Через минуту он опять прошел мимо и опять пожал плечами.

– Вот история, скажи на милость, – пробормотал он усмехаясь. – Приходила сейчас, Семен Эрастыч, сюда баба, прачка Аксинья. Положила, дура, своего ребенка на крыльце, на улице, и покуда тут у меня сидела, кто-то взял да и унес ребенка... Вот оказия!

– Что? что ты говоришь? – крикнул во всё горло Мигуев.

Ермолай, по-своему объяснивший гнев барина, почесал затылок и вздохнул.

– Извините, Семен Эрастыч, – сказал он, – но таперича время дачное... без этого нельзя... без бабы, то есть...

И, взглянув на вытаращенные, злобно удивленные глаза барина, он виновато крикнул и продолжал:

– Оно, конечно, грех, да ведь что поделаешь... Вы не приказывали во двор чужих баб пущать, оно точно, да ведь где ж своих-то взять. Прежде, когда жила Агнюшка, не пускал чужих, потому – своя была, а теперь, сами изволите видеть... без чужих не обойдешься... И при Агнюшке, это точно, беспорядков не было, потому...

– Пошел вон, мерзавец! – крикнул на него Мигуев, затопал ногами и пошел назад в комнаты.

Анна Филипповна, удивленная и разгневанная, сидела на прежнем месте и не спускала заплаканных глаз с младенца...

– Ну, ну... – забормотал бледный Мигуев, кривя рот улыбкой. – Я пошутил... Это не мой, а... а прачки Аксиньи. Я... я пошутил... Снеси его дворнику.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!